

НОВОЕ РАЗМЕЖЕВАНИЕ И НОВЫЙ ВЫБОР

Еще совсем недавно могло казаться, что российское общество разделено по относительно ясным линиям политического противостояния. С одной стороны — захватившие в 1991 г. власть «западники»: демократы, рыночники, противники империалистической политики. С другой — антизападническая оппозиция в ее двух легко переходящих друг в друга и сливающихся вариантах: националистически-православно-монархическом и коммунистическом. В октябре 1993 г. дело дошло даже до маленькой гражданской войны, но и в это время можно было заметить, что если не для рядовых защитников Белого дома, то для их лидеров борьба была отнюдь не такой страстной и идейной, как они пытались представить. А к 1997 г. имитационный, игровой характер борьбы оппозиции и власти стал виден невооруженным глазом. КПРФ перешла к сотрудничеству с режимом, прикрывая этот тайный альянс периодическими демонстрациями истерик, необходимых как для лидеров компартии, боящихся потерять свой электорат, состоящий из обездоленных и ненавидящих власть людей, так и для власти — чтобы запугивать обывателей и Запад угрозой «коммуно-фашизма».

Сближение власти и оппозиции имеет и идейные, и социально-«классовые» основы. Демократы очень быстро пережили «традиционалистскую» идейно-психологическую трансформацию, в какой-то мере сопоставимую с трансформацией большевиков. Они установили политический режим, не так уж отличающийся от позднекоммунистического или даже позднесамодержавного, символическая связь с которым всячески ими подчеркивается. Усвоили державную и имперскую лексику и стали продолжать традиционную внешнюю политику, пытаясь вновь объединить постсоветское пространство и борясь с расширением НАТО. И социально-экономическая система, которую они создали, очевидно, ближе к позднесоветскому административному рынку и теневой экономике, чем к капитализму западного типа. При этом герои 1991 г., идейные радикалы вроде Гайдара, Бурбулиса и др., отодвинуты на обочину и уже погружаются в Лету. С другой стороны, коммунисты, приняв систему выборов и стремясь расширить электорат, тоже прошли через идейную трансформацию как в традиционалистски-националистическом, так и в «демократически-рыночном» направлениях, и также задвинули куда подальше своих радикалов типа Анпилова.

Сближение власти и оппозиции облегчается и их «классовым» единством. Ельцин, его окружение и лидеры коммунистов (особенно после изгнания из обоих лагерей радикалов-«разночинцев») — люди одного класса, обуржуазившейся номенклатуры, одной психологии, одной культуры, одной системы ценностей (реальной, а не декларируемой). Просто одни в свое время оказались шустрее и циничней, а другие — потупее. Лидеры КПРФ не могут ненавидеть, например, Черномырдина, на сто процентов «своего», родного и понятного, хотя оппозиционный Явлинский их явно раздражает (как он раздражает и Черномырдина).

Консолидация элиты одновременно означает ее «замыкание в себе», ослабление ее связей с народом. «Разночинцы» типа Бурбулиса, Старовойтовой или Глеба Якунина были фигурами, связывающими элиту «демократов» с широкими массами рядовой интеллигенции, как Анпилов связывал коммунистических номенклатурщиков с нищими стариками и старухами из «Трудовой России». Сейчас такого рода связи оборваны. Народу к власти не

пробиться, и власти нет потребности особенно прислушиваться к народу, ибо она может заменить относительно дорогостоящие «уступки народу» относительно дешевыми уступками оппозиционным лидерам.

Сделать какого-нибудь очередного Тулеева министром или даже отправить в отставку Чубайса (последнего демократического выдвиженца из «разночинцев») — куда проще, чем регулярно платить зарплату. Если бы не болезнь Ельцина и не кошмарная перспектива досрочных выборов, о народе можно было бы на четыре года вообще забыть в твердой уверенности, что через четыре года что-нибудь придумается.

Но если элита консолидируется и «замыкается в себе», то на другом полюсе, «полюсе народа», тоже возникают предпосылки консолидации. Сейчас не получающий зарплату врач, инженер и даже профессор — поклонники Сахарова и Гайдара, участники демонстраций 1990—1991 гг., аплодировавшие расстрелу засевших в Белом доме «ком-муно-фашистов», не могут не ощущать некоторого социального родства с не получающим зарплату рабочим и не получающим пенсию «трудороссом».

«Демократические» и «коммуно-фашистские» демонстрации исчезли, ибо их бывшие участники сейчас просто «стараются выжить», сил на демонстрации у них уже нет, как нет надежды, веры и лидеров. Народ, 90 процентов русских людей, не принадлежащих к современной знати, — это неорганизованная, не верящая в себя и не способная отстаивать свои интересы, беззащитная перед лицом консолидированной элиты атомизированная масса, но масса, с каждым днем становящаяся все более идейно и психологически однородной. Все бывшие идеи эта масса уже потеряла, и единственное, что осталось и что в принципе до конца не уничтожимо, — это некоторые простые моральные истины (вроде того, что честный труд все-таки лучше, чем воровство, что бандит должен сидеть в тюрьме, а за работу надо платить), никаких подтверждений которым в реальной социальной жизни она не видит.

И чем больше ее ощущение безысходности и разочарование в «элите», тем больше — мечта о том, что появится какой-нибудь честный и твердый человек, который покажет, что эти истины могут иметь значение не только для отдельных людей, но и для общества, вернет веру в справедливость и лучшее будущее. Народ сейчас — это нечто вроде насыщенного раствора, в который, может быть, надо бросить одну песчинку, чтобы произошла «кристаллизация». И такая песчинка, похоже, уже есть. Это генерал Лебедь.

Лебедь — человек без сколь-либо ясной идеологии и программы. Он — не «демократ» и даже сторонится готовых оказать ему поддержку и «прилипнуть» к нему демократических интеллигентов, но и не антидемократ, не коммунист и не националист. Эта идейная неопределенность — скорее сила, а не слабость, ибо она соответствует разочарованию народа в идеологиях. Зато имидж генерала — честного и волевого человека, не принадлежащего к «жулью», — очень четок и определен.

Сила Лебеда — иррациональная сила человека, который может возбудить любовь и надежду народа, это — нематериальная сила, но она может на ближайших выборах перевесить всю мощь объединенной «элиты» с ее лучшими аналитиками и непредставимыми финансовыми ресурсами. «Элита» понимает это и панически боится отставного генерала. Чтобы остановить Лебеда, у нее есть фактически лишь один путь — изменить Конституцию, лишив народ права избирать президента, но это очень рискованно, ибо окончательно делегитимизирует власть и создаст простой и ясный лозунг для всех недовольных — «Верните выборы!».

Не исключено, конечно, что Лебедь может остановить себя сам, наделав совсем уж невыносимых глупостей, которые разрушат его имидж. Но даже если Лебедь споткнется, это не изменит характера новой «раскладки» политических сил — насыщенный раствор сохранится, и он будет ждать какой-то новой песчинки, нового Лебеда. Общество пришло к новому типу размежевания — не на «западников» и «славянофилов», «демократов» и «коммунистов», а на «консолидированную элиту», стремящуюся к стабильности, и народ, все менее способный эту стабильность выдерживать.

Новый выбор — не выбор между разными идеями и даже не выбор между сколь-либо рациональными альтернативами. Это — выбор между «экзистенциальными позициями». Одна позиция — «как бы не было хуже», «к этому дракону мы уже привыкли». Это естественная, нормальная и человеческая позиция — предпочтение плохого, но привычного незнакомому и странному, предпочтение болезни и медленного умирания — возможно, шарлатанскому лечению, которое может привести к скорой смерти. Это очень «русская» позиция, основной ресурс нашей власти. Но с каждой невыплаченной зарплатой она ослабевает и крепнет противоположная — «надо что-то делать», «так жить нельзя». Выбор между этими позициями — не рациональный выбор, каждый его будет делать, как ему подсказывают его совесть и интуиция. Доказать преимущество той или иной позиции нельзя, и всякий, кто возьмется это сделать, лишь продекларирует свой личный выбор.